

В.В. Пенской

Вооруженные силы Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв.

Распад Золотой Орды привел к коренному изменению политической обстановки и расстановки сил в Восточной и Юго-Восточной Европе. В борьбу за доминирование в Восточной Европе вступили Великое княжество Литовское и Московское государство, но они были не одиноки в этой борьбе. Свои претензии на наследие Золотой Орды заявили и владельцы сформировавшегося во 2-й половине XV в. Крымского ханства [о времени его возникновения см., например: 17, с. 18–20; 49, с. 88 и др.]. Они подкреплялись не только происхождением рода крымских ханов от самого Чингис-хана, но и мощной военной силой, что находилась в руках династии Гиреев.

Огромная роль, которую сыграли вооруженные силы в истории Крымского ханства, не вызывает сомнения. Нельзя сказать, что проблема изучения особенностей становления и развития вооруженных сил Крымского ханства не интересовала отечественных и зарубежных исследователей. В последние годы появилось несколько работ, посвященных этому вопросу [см., например: 16; 20 и др.]. Однако изучение данной проблемы, как и в целом истории Крымского ханства, находится в самом начале. На сегодняшний день мы не имеем более или менее ясного представления о том, что представляло из себя татарское войско конца XV – XVII вв. Бытующее в литературе представление о крымском войске как о «тмочисленной» рати плохо вооруженных всадников, способных только на грабежи и избиение безоружных украинских и русских поселян, находится в явном противоречии с той важной ролью, которую играло Крымское ханство в истории Восточной и Юго-Восточной Европы позднего Средневековья – раннего Нового времени, в то время, когда реальный политический вес государства в системе политических отношений определялся прежде всего размерами его военного потенциала.

Приступая к анализу особенностей развития военного дела Крымского ханства в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени, мы исходили из сформулированного американским исследователем С.Хантингтоном определения структуры военной мощи государства. Он писал, что последняя «...имеет четыре измерения: количественное – количество людей, оружия, техники и ресурсов; технологическое – эффективность и степень совершенства вооружения и техники; организационное – слаженность, дисциплина, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления; и общественное – способность и желание общества эффективно применять военную силу...» [47, с. 126]. С попытки определить количественные параметры военного потенциала Крымского ханства мы и начнем.

Трудно не согласиться с мнением А.Л. Хорошкевич, которая отмечала, что «...абсолютные цифры населения Крымского ханства восстанавливаются с большим трудом» [50, с. 92]. Особенно это замечание относится к начальному периоду истории Крымского ханства, когда каких-либо переписей населения Крыма ханскими чиновниками, видимо, не осуществлялось. Лишь много позднее появляются некоторые сведения о численности населения ханства, но разброс мнений относительно того, сколько же проживало в Крыму жителей, все равно остается весьма существенным. Д.М. Исаков, к примеру, полагал, что численность населения Крымского ханства при первых Гиреях колебалась в пределах от 300 до 600 тыс. чел. [17, с. 41]. Ряд других исследователей, используя отрывочные сведения о переписях населения, производившихся при последних ханах, и результаты ревизий конца XVIII в., полагают, что в нач. 80-х гг. XVIII в. под властью крымского хана находилось от 250–300 тыс. до примерно 430 или несколько более тыс. чел. [например: 38, с. 32]. Эти цифры представляются более точными, и могут быть использованы в качестве основы при дальнейших расчетах. Несомненно, что за три столетия существования Крымского ханства численность его населения должна была вырасти, и, учитывая, что к этому времени способ хозяйствования крымских татар существенно изменился по сравнению с начальным периодом истории ханства, можно полагать, что на протяжении большей части XVI в. под властью крымских ханов находилось вряд ли намного больше 250 тыс. чел.

Попытаемся проверить, насколько верно это предположение. В качестве основы для расчетов возьмем сообщаемые современниками данные о численности татарских армий в отдельных походах и предполагаемую продуктивность пастбищ как самого Крыма, так и Северного Причерноморья, а также известные нормы призыва мужчин в ханское войско.

Едва ли не общим местом в исторических сочинениях, с легкой руки некоторых современников, стало приписывание крымским ханам способности в случае необходимости выставить в поле «тьмочисленное» войско в 100, а то и 200 тыс. всадников [см., например: 8, с. 227; 15, с. 56; 27, с. 364; 172; 45, с. 90; 52, с. 320]. Цифры более чем впечатляющие, но насколько они реальны? Предположим, что крымские ханы действительно могли выставить столько воинов и эти цифры могут быть использованы при расчете численности населения Крымского ханства. Нормы, по которым Гирей набирали свое войско, известны. Так, османский писатель 2-й пол. XVII в. Хюсейн Хезарфенн отмечал, что когда крымский хан собирался в поход, «...то /каждые/ семь человек выставляют одного и выделяют пару лошадей...» [48, с. 269]. Большинство современных специалистов сходятся на том, что для кочевников в случае тотальной мобилизации соотношение количества выставляемых воинов к общей численности населения составляло примерно 1 к 5 [см., например: 24, с. 71–72; 37, с. 79, 114 и др.]. Следовательно, общее население Крымского ханства в XVI – 1-й пол. XVII вв. составляло никак не менее 500 тыс., а то и 1 млн. чел., что явно не соответствует действительности. Особенно это заметно, если попытаться рассчитать примерную численность кочевого населения Крыма, исходя из биопродуктивности степи [см., например: 24, с. 78–79]. Расчеты показывают, что при сохранении чисто кочевого образа жизни собственно крымская степь могла прокормить никак не более 25–30 тыс. кочевников.

Примечательно, что если применить к полученной цифре нормы призыва воинов, приведенные выше, то полученные данные практически полностью совпадают со сведениями, что сообщал венецианский путешественник и дипломат И. Барбаро. Он писал, что, обитающие в степи на «острове Каффы» татары при необходимости могут выставить от 3 до 4 тыс. всадников [2, с. 155]. О недостаточности собственных ресурсов крымского хана в начале XVI в. косвенно свидетельствуют и материалы дипломатической переписки между Крымом и Москвой. Так, летом 1501 г., в разгар противостояния между Менгли-Гиреем и его главным противником, ханом Большой Орды Шиг-Ахметом, крымский хан потребовал от своего союзника, московского государя Ивана III, чтобы тот прислал к нему на помощь 10-тыс. войско. И поскольку Шиг-Ахмет располагал примерно 20-тыс. войском, следовательно, сам Менгли-Гирей имел сил значительно меньше и в одиночку сражаться с Шиг-Ахметом отнюдь не стремился [см.: 48, с. 155.]. Поэтому ясно, почему в событиях 1501–1502 гг. Менгли-Гирей занял выжидательную позицию, не вступая в сражение с войском Шиг-Ахмета, и почему Иван III в борьбе с Большой Ордой сделал ставку на крымского хана – он был менее сильным, а, следовательно, и не таким опасным противником, чем дети Ахмата. Правда, московский посол в Крыму И. Мамонов летом 1501 г. отписывал Ивану III, что «...царевы рати нынеча смечают в полтретьяцать тысяч...» (т.е. в 35 тыс. всадников – П.В.) [34, с. 368]. Но есть все основания полагать, что либо эти данные существенно завышены, либо, что более вероятно, отражают тот примерный максимум сил, что мог выставить Менгли-Гирей на это время в случае тотальной мобилизации всего и вся (при этом качество выставляемых в таком случае воинов неизбежно снижалось).

Прошло примерно полстолетия, и литовский писатель и публицист Венцеслав Миколаевич (больше известный как Михалон Литвин), писал, что крымский хан при тотальной мобилизации всех мужчин, способных держать в руках оружие, может выставить войско в 30 тыс. всадников. При этом подчеркивал, что по сравнению с прежними временами численность населения Крымского ханства существенно выросла [26, с. 65–66]. И действительно, после того, как в упорной борьбе Менгли-Гирей в начале XVI в. нанес поражение Шиг-Ахмату, к победителю откочевала б/ч улусов, ранее подчинявшихся его противнику [см., например: 19, с. 100–105; 48, с. 92–93, 153–158, 162–163]. Вместе с первенством к Крыму перешла и большая часть земель и пастбищ, ранее контролировавшихся ханами Большой Орды. Применяя к новым владениям крымских ханов формулы расчета биопродуктивности пастбищ, получаем, что к концу правления Менгли-Гирея число его подданных могло приблизиться к 200 тыс. чел., т.е. (с учетом неизбежных при такого рода расчетах погрешностей) в целом укладывается в приведенные выше нормы призыва.

В дальнейшем численность населения Крыма неизбежно должна была расти, тем более что при преемниках Менгли-Гирея наметился переход татар к полуоседлому, а затем и оседлому образу жизни. Традиция приписывает особые заслуги в этом шестому крымскому хану Сахиб-Гирею I, сыну Менгли-Гирею [см., например: 42, с. 312]. Соответственно, росла и максимальная численность татарского войска, которое могло выступить в поход под знаменами хана. Так, например, в ходе отражения в 1555 г. набега крымского войска во главе с ханом Девлет-Гиреем I московские ратники захватили ханский лагерь с обозом («кошем») и 60 тыс. лошадей [31, с. 257]. Известно, что

каждый татарский воин, выступая в поход, вел за собой не менее 2-х запасных коней [8, с. 231]. Исходя из текста летописи, можно предположить, что направляясь со своим войском к Туле и предполагая встретить там русское войско, хан оставил в лагере лишних лошадей (вступать в бой, имея на поводу 1–2 запасных лошади, несколько неудобно), то именно эти запасные лошади и были захвачены русскими [об обычае оставлять лишних коней и обоз см., например: 25, с. 43]. Отсюда следует, что в походе участвовало около 30 тыс. татарских воинов. И так как это был, видимо, обычный поход, не имевшей своей целью, как в 1571 г. [согласно ливонскому хронисту Б.Рюссову, который, видимо, использовал цифру, названную Иваном Грозным польским послом, в этом походе принимало участие 40 тыс. татар: 39, с. 205], тотального сокрушения неприятеля, то, скорее всего, хан набирал воинов по «обычной» норме, указанной Хезарфенном. Отсюда следует, что под властью хана находилось около 210 или несколько более собственно татар. Учитывая же, что у татар, как у обычных кочевников, всякий взрослый мужчина был потенциальным воином [см., например: 44, с. 24. Ср.: 46, с. 475], то можно предположить, что в сер. XVI в. крымский хан мог выставить в поле при тотальной мобилизации всех боеспособных мужчин до 40–50 тыс. воинов. Так, согласно данным, приводимым В.Остапчуком, который ссылался на татарскую хронику Реммала Ходжи, в 1539 г. во время похода на Кубань специальные чиновники хана Сахиб-Гирея занесли в списки 40 тыс. воинов. Османский историк Ибрахим Эфенди Печеве, повествуя об участии татар в венгерской кампании 1594 г., писал, что с ним в османский лагерь прибыло не более 30–40 тыс. всадников [см.: 33, с. 405; 42, с. 333]. С учетом же контингентов, выставляемых ханскими вассалами, крымское войско могло иметь и больше воинов. Примечательно, что А.Л. Хорошкевич приводит сведения из архива римской курии, согласно которым в 1561 г. хан, измотанный войной с москвитями (sic!), мог выставить против Ивана IV от 30 до 40 тыс. всадников [см.: 51, с. 261].

Т.о., приводимая некоторыми авторами для 2-й пол. XVI – 1-й пол. XVII вв. цифра в 40–60 тыс. воинов (с учетом союзников и вассалов), которыми могли располагать крымские Гиреи в больших походах, представляется отражающей реальность [см., например: 21, с. 47–48; 41, с. 46]. Однако, вне всякого сомнения, выставить в поле столько всадников ханы могли только в случае максимального напряжения сил, ценой полного оголения крымских рубежей. Естественно, что такая тотальная мобилизация случалась достаточно редко и носила неординарный характер. Обычно же крымские «цари» довольствовались существенно меньшим числом воинов. Так, русский посол Иван Судаков сообщал, что в феврале 1588 г. хан выступил в поход на Украину с войском общей численностью 18 тыс. всадников и 500 турецких янычар из Кафы [43, с. 68]. Возможно, это было связано в определенной степени с тем, что боеспособность татарского ополчения к тому времени в результате «осаживания» Сахиб-Гиреем большей части рядовых крымцев на землю существенно упала. В результате его преемники могли полагаться все больше и больше лишь на воинов-профессионалов и кочевавших в Северном Причерноморье ногаев, сохранивших прежний образ жизни и, соответственно, прежние воинские традиции.

Много это или мало? Для сравнения, общая численность московского войска при Василии III составляла около 90 тыс., из которых в поле могли быть задействованы одновременно до 50 тыс. ратников (как это было в 1521 или 1534/1535 гг.). В начале же 60-х гг. XVI в. полевая армия московского царя составляла (при условии, что она будет сконцентрирована на одном стратегическом направлении) максимум около 70–75 тыс. чел., а все войско – до 100 или несколько более тыс. ратных людей [34, с. 7–8, 11]. Однако при этом необходимо учитывать, что крымский хан держал свое войско в «кулаке» и владел инициативой, выбирая время и место нанесения удара, тогда как русские воеводы вынуждены были «размазывать» свои полки тонкой линией по правому берегу Оки от Калуги до Рязани. И если они ошибались с определением направления главного удара противника, то исход сражения было нетрудно предугадать. Так было, к примеру, в 1521 и 1571 гг., а в 1541, 1572 и 1591 гг. татарское нашествие было отражено с большим трудом – в последнем случае под самыми стенами Москвы.

Теперь коснемся технологического аспекта военной мощи Крымского ханства. Сохранилось немало свидетельств современников относительно вооружения и внешнего вида воинов Крымского ханства. «Оружие их состоит в луке и стрелах; копьё у них редкость...», – писал в начале XVI в. имперский посол С.Герберштейн, и далее подчеркивал, что татары уклоняются от ближнего боя, поскольку, «...не имея ни щита, ни копья, ни шлема...», не выдерживают его. Спустя несколько десятилетий после Герберштейна Михалон Литвин, следуя античной традиции, в полемическом задоре еще более заостряет эту особенность вооружения татарского воина. Он сообщал своим читателям, что последние, «...снаряженные по обычаю своему, а именно – многие безоруж-

ные, и едва ли у десятого или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях было их еще меньше; но одни по крайней мере были вооружены костяными, другие – деревянными палками, третьи – с пустыми ножнами на поясе. Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают...». Интересно, что примерно в том же духе высказывался много ранее о вооружении воинов Большой Орды итальянец А.Контарини.

Прошло еще несколько лет, и англичанин Дж.Флетчер писал: «Они (т.е. татары – В.П.)... все выезжают на конях и не имеют при себе ничего, кроме лука, колчана со стрелами и кривой сабли на манер турецкой... Некоторые кроме другого оружия берут с собой пики, похожие на рогатины, с которыми ходят на медведей. Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды... Но мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде, и в вооружении...». Наконец, спустя еще полстолетия француз Г.Л. де Боплан, описывая облик татарских воинов, отмечал, что «...вооружены они саблей, луком с колчаном, снабженным 18–20 стрелами, за поясом нож... Только самые богатые носят кольчуги, остальные же, за неимением таковых, отправляются на войну [считай] голыми...» [2, с. 224; 8, с. 219–221; 11, с. 257, 258; 25, с. 66; 45, с. 91]. Правда, при этом необходимо учитывать, что в большинстве подобного рода описаниях речь идет об основной массе татарских воинов, преимущественно ополченцев, качество вооружения которых были значительно хуже, чем у отборных воинов, составлявших «дворы» татарской знати.

Т.о., все современники подчеркивали чрезвычайную легкость вооружения рядового татарского воина и вместе с тем стремление знатных и богатых воинов следовать турецкой традиции в использовании наступательного и оборонительного вооружения. Очевидно, что крымские татары практически отказались от прямого следования позднеордынской военной традиции. Ничего подобного отрядам тяжеловооруженных конных латников на конях, также облаченных в доспехи, которые имелись в золотоордынской войске XIV – нач. XV вв. [см., например: 13], мы не встречаем. Немногочисленной у крымских татар была и «средневооруженная» (по классификации Л.А. Боброва) латная конница, столь характерная для средне- и центральноазиатских армий того времени [см., например: 7]. Судя по всему, крымско-татарский комплекс защитного и наступательного вооружения целиком и полностью укладывался в стремительно складывавшийся и в 1-й четверти XVI в. практически сформировавшийся единый западноазиатский [русско-мусульманский – по мнению Л.А. Боброва; характеристику этого комплекса см., например: 5; 6 и др.] комплекс вооружения с той лишь разницей, что у крымских татар доспешная конница отсутствовала в сколько-нибудь серьезных количествах и основу войска оставляла легкая конница стрелков из лука.

Стандартный комплект вооружения рядового татарского воина в это время составляли, судя по всему, саадак, сабля и нож, некоторые всадники могли иметь также кавалерийское копье, а для защиты использовались, скорее всего, мягкие, стеганные доспехи типа хорошо известного русского тегиля и подобные же защитные наголовья. Знать и отборные воины из ее свиты [об последних см., например: 9, с. 362, 367] вооружались, как было отмечено выше, по турецкому образцу [о комплексе вооружения богатых татарских воинов см., например: 9, с. 366]. Возможно, что в отдельных случаях знатные и богатые воины могли использовать и конский доспех – стеганные попоны и маски.

Облегченный комплекс вооружения татарских воинов, очевидно, возник не случайно. Первоначально, когда крымско-татарское государство еще только складывалось, ханы и знать неизбежно должны были столкнуться с серьезной проблемой обеспечения основной массы рядовых воинов качественными и вместе с тем дешевыми доспехами и оружием. Разгром Золотой Орды Тимуром и последовавшая за этим деградация ее городской культуры привела к существенному сокращению производства оружия и доспехов собственно в Орде (косвенно об этом свидетельствуют приведенные выше слова А.Контарини о качестве вооружения ордынских воинов в конце XV в.). Импорт оружия из-за рубежа носил, судя по всему, достаточно ограниченный характер. Процесс же завершения формирования Крымского ханства и формирования в нем собственной городской культуры с развитым ремеслом практически совпал по времени со стремительным развитием огнестрельного оружия и падением значения оборонительного доспеха. Это вело к его облегчению и полному исчезновению. Лучшей защитой от растущей огневой мощи главных противников татар, русских, поляков и литовцев, стала подвижность и маневренность крымских ратей, достигаемая всеми доступными средствами.

Огнестрельное оружие в рассматриваемый период не получило среди татар широкого распространения. Конечно, полагать, как это делает Дж.Горсей [15, с. 70–71], что татары совсем не знали его, было бы ошибочно. Сражаясь с русскими и литовцами, они были прекрасно осведомлены о том, что такое пушки, аркебузы и мушкеты и в чем преимущество тех, кто ими обладает, над теми,

у кого их нет. Первые упоминания о стрелках, вооруженных огнестрельным оружием, и артиллерии относятся к концу XV в. ко временам Менгли-Гирея. Так, в 1502 г., снаряжаясь в поход против хана Большой Орды, Менгли-Гирей, по сообщению русского посла И. Мамонова, помимо всего прочего «...взяв с собою и пушки...». Правда, эти первые крымские «мушкетеры» и пушки, равно как и канониры, были, судя по всему, турецкими [см.: 34, с. 105, 378, 379, 417]. Однако при сыне Менгли-Гирея Сахиб-Гирее в состав ханской «гвардии» были включены на постоянной основе отряды пехотинцев-«тюфенгчи», набираемых из рабов-черкесов и местного оседлого населения, общей численностью от 200 до 1000 чел. Они были вооружены и обучены по образцу и подобию турецких янычар. Подразделения наемных стрелков с этого времени стали обязательным компонентом войска крымских ханов [см., например: 9, с. 365, 367; 33, с. 402–403; 42, с. 307, 313; 40, с. 32, 47; 44, с. 24]. Примерно в это же время хан обзавелся и собственной легкой полевой артиллерией [см.: 9, с. 367; 31, с. 139, 257, 258; 33, с. 403].

Правда, артиллерия, фитильные и колесцовые аркебузы, мушкеты и пистолеты, занявшие прочное место в армиях Западной, Центральной и Восточной Европы, были слишком громоздки, ненадежны и обладали неважной, по сравнению с традиционным луком, скорострельностью. В скоротечной конной схватке традиционный сложносоставной татарский лук по эффективности по меньшей мере не уступал, если не превосходил на первых порах ручное огнестрельное оружие. Во всяком случае, Г.Л. де Боплан отмечал искусство татарских стрелков, которые «...стреляют так метко из лука, что на расстоянии 60–100 шагов не дают промаха по своей цели», а при навесной залповой стрельбе посылают свои стрелы на дистанцию, вдвое большую, чем досягаемость козацких ручниц [8, с. 245, 251. О броневой качествах и меткости стрельбы из лука см. также: 32, с. 195, 197]. Единственным на то время преимуществом мушкета над луком, кроме значительно более мощного убийного действия, была возможность быстрее подготовить хорошего стрелка, тогда как для того, чтобы стать отменным лучником, нужны были годы упорного труда и регулярных тренировок. Но это не пугало татар, ибо к ним вполне приложимы слова М.В. Горелика, отмечавшего, что «...широкое использование лука, наличие большого контингента хороших лучников возможны прежде всего в обществе, в котором развита охота и пастушеское скотоводство, а общественные отношения отличаются достаточно высокой степенью свободы индивидуума от трудовых, требующих изнурительной работы, обязанностей по отношению к властям, что позволяло ему иметь досуг для тренировок, охоты и пр...» [14, с. 78–79; об обучении татарских лучников см.: 8, с. 215].

Учитывая конный характер армии Крымского ханства, нельзя не сказать несколько слов и о строевых лошадях татарских воинов. Современники в один голос хвалили татарских коней за их выносливость и приспособленность к местным условиям [см., например: 11, с. 257; 25, с. 75]. Правда, достоинства татарских коней были обратной стороной их недостатков. От европейских они отличались более низким ростом [в среднем 131,9 см в холке; см.: 23, с. 14–15], и в силу этого были не способны нести на себе тяжеловооруженного, закованного в сплошные доспехи всадника. Хороших же, мощных коней у татар было немного. Так, в уже упоминавшемся эпизоде с захватом русскими войсками в 1555 г. ханского «коша» в их руки попало всего 200 аргамаков, качественных и чрезвычайно высоко ценившихся коней [31, с. 257].

Проанализировав техническую сторону татарского военного дела, нельзя не остановиться и на его организационной составляющей. Структура крымского войска, судя по всему, оставалась вполне традиционной. Доступные источники свидетельствуют, что армия Крымского ханства включала в себя три основных компонента: личная ханская «гвардия» («двор»), в которую входили ханские «слуги» и «молодые ребята»-нокеры, османский контингент, рекрутируемые из жителей Крыма отряды стрелков, артиллерия; «дворы» «царевичей», карачи-бегов и прочих «уланов», «князей» и мурз, а также ополчение, созываемое в случае большого похода из числа рядовых татар-мужчин в возрасте от 15 до 70 лет. К собственно татарскому войску добавлялись контингенты, выставляемые вассалами хана [9, с. 365, 367; 34, с. 138; 33, с. 402; 42, с. 307, 313, 345]. Организация войска была основана, вероятно, на достаточно традиционном для кочевников десятичном принципе [см., например: 8, с. 223].

Какой была тактика крымских татар? Анализ доступных материалов показывает, что она была сложнее, чем обычно представляется, и вместе с тем удалилась от прежней ордынской модели XIV – нач. XV вв. Поэтому фраза С.А. Ищенко о том, что крымские ханы сохранили почти без изменений ордынские традиции, связанные со спецификой военных действий [27, с. 138], представляется совсем корректной. Изменения были, и они носили достаточно серьезный характер. Оттачивав-

шаяся веками традиционная схема действий кочевнической конницы на поле боя, включавшая в себя три основных фазы – лучный бой, шокный удар тяжелой и средней конницы «в копыя» и добивание бегущего противника холодным оружием [см., например: 4, с. 96; 12, с. 381], уже не работала, т.к. состав наступательного и оборонительного вооружения крымских татар изменился. В лучшем случае из трех фаз осталось только две – первая и последняя. Да и сама татарская конница, скорее всего, действовала на поле боя в смешанных боевых порядках – первую шеренгу боевого построения занимали лучше вооруженные и защищенные воины, а остальные татары строились за ними [ср.: 7, с. 77–79]. Во всяком случае, о существовании в крымском войске отдельных отрядов тяжеловооруженной панцирной конницы ничего не известно.

Вместе с тем под влиянием турок крымские татары в 2-й четв. XVI в. приняли на вооружение классический османский «Дестур-и-Руми» – боевой порядок, ядром которого был вагенбург-табор из повозок-«зарбузан арабалары», оснащенных легкой артиллерией (фальконетами-«зарбузан»), внутри которого находились стрелки-тюфенгчи [33, с. 402–403, 405–406]. Нельзя исключить, что этот шаг Сахиб-Гирей сделал под влиянием тяжелого поражения, которое потерпели крымские татары от ногаев в 1523 г. [см.: 18, с. 91–96].

Эти изменения привели к тому, что тактика крымских татар изменилась в сравнение с классической ордынской моделью и варьировалась в зависимости от противника, с которым предстояло иметь дело, и от цели похода. «Дестур-и-Руми» в 40-х гг. XVI в. с успехом применялся тем же Сахиб-Гиреем против ногаев и черкесов. Характерна фраза одного из черкесских князей, произнесенная им в 1551 г., когда он узнал о готовящемся походе Сахиб-Гирея: «Хан, говорят, идет грабить нас... Он силен своими пушками (выделено нами – П.В.), а мои пушки и пищали – крутые горы и быстрые кони...» [цит. по: 30, с. 110]. Однако попытки тех же ногаев и черкесов противостоять крымскому войску, имевшему пусть и немногочисленных (не более 1 тыс.), пехотинцев, вооруженных ручным огнестрельным оружием, и легкую артиллерию, неизменно заканчивались неудачей. Так было в 1545 г. во время похода крымского войска на черкесов, в 1546 г., когда татарское войско взяло Астрахань, и при отражении набега ногаев на Крым в 1547 г. [см.: 18, с. 140; 30, с. 107; 33, с. 406].

Вместе с тем в походах против русских, литовцев и поляков татары редко использовали пехоту и артиллерию, а если они и появлялась на поле битвы, то, как правило, терпели неудачу, как в 1541 и 1552 гг. [см.: 31, с. 138–139; 189–190]. Так, в том же походе 1552 г. хан имел 18 пушек, однако все ни были потеряны во время неудачной осады Тулы [см.: 1, с. 222–223]. Техническое и определенное численное превосходство русских, литовцев и поляков, опиравшихся на намного более развитую промышленность, делало для татар бессмысленным соревнование в этих новых родах войск. Кроме того, османы, привлекая татар со 2-й пол. XVI в. к участию в проводимых ими кампаниях, отводили им роль легковооруженных всадников-акынджи. В задачу же последних входили прежде всего разведка и опустошение неприятельских территорий. Для этого «Дестур-и-Руми» и большой обоз были не нужны (о размерах последнего дает представление следующая фраза из грамоты И.Мамонова. Русский посол писал, что, готовясь к походу против Большой Орды, Менгли-Гирей «...всем своим людям велел готовым быти, ... и кони кормить, а у пяти б человек телега была, а по три кони у человека, а oprичь иногo корму, было бы у пяти человек по два вола...» [см.: 34, с. 378]). Видимо, не случайно во 2-й пол. XVI в. крымцами была окончательно сделана ставка на скорость, маневр и изматывание противника при одновременном уклонении от рукопашной схватки до тех пор, пока неприятель не побежит.

Полагая главной своей целью опустошение неприятельских земель и захват ясыря, и уклоняясь от прямого столкновения с врагом, татары большое внимание уделяли разведке – как предваряющей открытие кампании, так и во время самого похода [см., например: 9, с. 361–362, 363; 10, с. 81–82]. Об организации и проведении типичного татарского похода за ясырем на «север», на Украину или на Русь, сохранилось немало свидетельств современников. Об этом писали, к примеру, М.Броневский и Г.Л. де Боплан (описание татарского похода, сделанное последним, стало классическим) [см., например: 9, с. 362–363; 8, с. 227–235].

Однако, если крымские военачальники чувствовали, что перевес на их стороне, местность благоприятствует действиям их легкой конницы и есть высокие шансы на победу (или же противник вынуждал принять татар бой), они решались на сражение. Однако и здесь они стремились действовать так, чтобы с наибольшей эффективностью использовать свои главные козыри – скорость, маневр и массированную стрельбу из луков. «Они очень смело вступают в битву с врагом издали; – отмечал С.Герберштейн, описывая характерные для татар тактические приемы, – это однакож бы-

ваает непродолжительно: они обращаются в притворное бегство и, улучая удобную минуту, пускают стрелы назад в преследующих неприятелей, потом, внезапно повернув коней, снова делают нападение на рассыпанные ряды врагов. Когда им доводится сражаться на открытом поле и неприятель находится на расстоянии полета копья, то они вступают в битву не стройными рядами, а кружатся около неприятельского войска, обхватывая его со всех сторон, чтобы вернее и свободнее метать в него копья. Они наступают и удаляются в удивительном порядке... Этот род сражения по своему сходству с танцами называется у них пляской...» [11, с. 257–258].

В этом отрывке прекрасно описаны главные и наиболее характерные тактические приемы татар. И если проанализировать свидетельства современников об организации походов и действиях татарских отрядов на поле боя, то от бытующего мнения о неорганизованности и беспорядочности татарского войска не остается и следа. Действительно, для того, чтобы маневрировать описанным выше способом на поле боя, необходимы незаурядная выучка и дисциплина как рядовых воинов, так и военачальников, начиная с десятников [Отход, перестроение и смена атакующих отрядов были необходимы хотя бы потому, что запас стрел в колчанах был ограничен. Во всяком случае, инструкции Тимура предусматривали, чтобы воин выступал в поход, имея в колчане 30 стрел. см.: 28, с. 17]. Дисциплинированность татар и их готовность подчиняться приказам своих начальников подчеркивали многие современники [см., например: 9, с. 366–367; 10, с. 82].

Но не только железная дисциплина превращала татар в опасных противников. Они, кроме, быть может, мушкетеров-сейменов, не знали регулярного военного обучения и муштры, что в это время постепенно внедрялись в европейских армиях. Однако отсутствие последних более чем компенсировалось большим опытом совершения регулярных набегов и «втянутостью» как рядовых татарских воинов, в особенности нокеров, так и командного состава, в войну. Об этом ярко и образно писал, к примеру, Г. де Боплан, подчеркивая слаженность действий даже самих мелких отрядов татарских воинов [См.: 8, с. 245, 249, 251]. Именно эта «втянутость», «привычка» к войне, снижала опасное и снижающее боеспособность любого войска «общее трение», которое прусский военный теоретик К. фон Клаузевиц видел в несрабатанности военной машины и ее отдельных элементов [22, с. 116–117].

Привычка к войне и дисциплинированность, огромный опыт, готовность переносить все тяготы войны, отличное умение владеть главным своим оружием, луком, отменные навыки верховой езды делали татар чрезвычайно опасным противником. К этому стоит добавить также, что сами татары жили в природной крепости. Сотни километров безводной и безлюдной степи были намного лучшей защитой для крымчаков от русских, поляков и литовцев, нежели крепостные стены и валы. Долгое время татары, а не их противники, выбирали время и место для удара, татары, а не их враги, владели инициативой и навязывали свою волю и свой рисунок боя неприятелю. И если крымчаки не допускали ошибок в развертывании и во время военных действий, то бороться с ними было чрезвычайно сложно. Как метко заметил Г.Л. де Боплан, в войне с татарами побеждал более хитрый, а не более сильный, а соревноваться в хитрости и умении вести малую войну с татарами было трудно [8, с. 249].

И теперь о последнем, о способности и желании татарского общества эффективно применять военную силу. Воинственность татар, их желание и готовность воевать подчеркивалась всеми современниками [см., например: 10, с. 81]. Основанное саблей, Крымское ханство поддерживало свое существование саблей же. Однако была ли воинственность крымских татар их врожденным качеством или же необходимым условием существования их общества и государства? Интересные наблюдения, позволяющие дать ответ на этот вопрос, были сделаны Н.Н. Крадиным, который отмечал существование определенной зависимости кочевников от земледельцев [24, с. 95–96]. На это же обстоятельство указывал и ряд других специалистов [см. например: 3, с. 429; 46, с. 470–472; 49, с. 451]. Между тем земледельческие общества, отличаясь от кочевых большей автаркичностью, самодостаточностью, не испытывали особого стремления вступать в экономические и иные контакты с миром номадов. Последние же, нуждаясь в земледельцах, рассматривали их попытки отгородиться от кочевого мира как стремление посягнуть на свою независимость, этническую и культурную самобытность. Учитывая же милитаризованный характер кочевых обществ и присущий им, как, впрочем, и многим другим народам на аналогичной, «варварской», стадии развития, характерный «варварский» этос (ср. характеристику, данную Тацитом германцам: *Tac. Germ.* 14), то предугадать поведение татар по отношению к соседям нетрудно. Набеги на последних, особенно северных, обеспечивали их тем, чего им не доставало, давали дополнительный доход, удовлетворяли их страсть к «хищничеству», способствовали выживанию татар в случае хозяйственного кризи-

са. Не стоит забывать и о том, что противостояние Крыма с Россией, Литвой или Польшей носило характер еще и религиозного противостояния. Все это придавало отношениям Крыма со своими северными соседями характер особо жестокой враждебности. Как отмечал видный русский военный теоретик и историк Н.П. Михневич, «...войны однокультурных народов всегда более или менее нерешительны; войны разнокультурных – всегда роковые...» [29, с. 38].

Такими представляются нам основные и наиболее характерные черты развития военного дела в Крымском ханстве в конце Средневековья – начале Нового времени. Крымским татарам как обществу, «организованному для войны» (по меткому выражению отечественного историка М.В. Нечитайлова, примененному им по отношению к средневековой Испании), удалось создать эффективную военную машину, которая вплоть до начала XVIII в. представляла серьезную угрозу для своих соседей. И только после того, как в результате военной революции в странах Европы появились массовые регулярные армии, оснащенные модернизированным огнестрельным оружием и великолепно обученные, военная мощь Крымского ханства оказалась сломленной, а само ханство утратило свою независимость.

Список источников и литературы

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. IV. М.: Древлехранилище, 2008.
2. Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971.
3. Барфилд Т.Дж. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 415–441.
4. Бобров Л.А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья (XVII в.) // *Para Bellum*. 2002. № 13. С. 93–98.
5. Бобров Л.А. Железные ястребы Маверанахра (комплекс защитного вооружения воинов Средне Азии и сопредельных территорий конца XV – XVII вв.) // *Para Bellum*. 2003. № 1 (17). С. 71–102; *Para Bellum*. 2003. № 2 (18). С. 43–80.
6. Бобров Л.А. «Ответный удар» (этапы «вестернизации» доспеха Передней и Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и нового времени) // *Para Bellum*. 2004. № 2 (22). С. 85–106.
7. Бобров Л.А. Тяжеловооруженная конница номадов Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.) // *Para Bellum*. 2007. № 27. С. 73–83.
8. Боплан Г.Л. де. Описание Украины. М.: Древлехранилище, 2004.
9. Броневский М. Описание Крыма Мартина Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса. 1867. С. 334–367.
10. Виженер Б. де. Описание Польского королевства // Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. Выпуск I (XVI ст.). Киев, 1890. С. 60–89.
11. Герберштейн С. Записки о московитских делах // Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 152–301.
12. Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 359–430.
13. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.
14. Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
15. Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990.
16. Дмитриев С.В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003.
17. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное издательство, 2009.
18. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006.
19. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: Изд-во «Рудомино», 2004.
20. Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Р.-на-Д.: Изд-во Ростовского университета, 1989.
21. Каргалов В.В. Московские воеводы XVI–XVII вв. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2002.
22. Клаузевиц К. фон. О войне. Т. 1. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastika, 2002.
23. Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М.: Агропромиздат, 1990.
24. Крадин Н.Н. Империя хунну. М.: Логос, 2002.
25. Курбский А.М. История Иоанна Грозного // Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1868.
26. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд-во МГУ, 1994.
27. Мадарьяга И. де. Иван Грозный. М.: Омега. 2007.
28. Мирхонд Мухаммед ибн Хондшах ибн Махмуд. Гаузат ас-сафа фи сират ал-аибия вал малик вал хулафа // Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007.

29. Михневич Н.П. Стратегия. Кн. 1. СПб., 1911.
30. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990.
31. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки славянской культуры, 2000.
32. Никоноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Филоматис. 2004.
33. Остапчук В. Хроника Реммалы Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 391–422.
34. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
35. Пенской В.В. Военный потенциал Российского государства в конце XV – XVI вв.: количественное измерение // Отечественная история. 2008. № 1. С. 3–13.
36. Пинк И.Б. Осада Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1552 г. // Para Bellum. 2004. № 2 (22). С. 69–84.
37. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990.
38. Рославцева Л.И. Крымские татары. Историко-этнографическое исследование. М.: МАКС Пресс. 2008.
39. Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879.
40. Сенаи Хаджи Мехмед Кырымлы. Книга походов. Симферополь: Крымчупедгиз. 1998.
41. Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986.
42. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. I. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005.
43. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 14. Симферополь, 1891.
44. Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь: Таврия. 1991.
45. Флетчер Дж. О государстве русском // Проезжая по Московии. (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М.: Международные отношения, 1991. С. 25–138.
46. Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 468–489.
47. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003.
48. Хезарфенн Хюсейн. Телхис эль-бейан фи каванын-и ал-и осман // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 265–269.
49. Холл Т.Д. Монголы в мир-системной истории // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 442–467.
50. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
51. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003.
52. Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т.1. Киев: Наукова думка, 1990.

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета; penskoy@bsu.edu.ru.

Д.В. Сень

Кубанское (ханское) казачье войско: Актуальные проблемы истории казачества на территории Крымского ханства (XVIII в.)

Казачество как постоянный элемент народонаселения Крымского ханства, как подданные Гиреев – новое явление в истории Крыма, начиная с конца XVII в. [71, с. 169–203]. Изучая военную историю державы Гиреев, оценивая военный потенциал ханства, специалисты как правило обращаются к «ногайскому», либо «крымскотатарскому» факторам; иногда пишут в этой связи об участниках воинских подразделений христианского вероисповедания. Существование в пределах Крымского ханства (ногайская Кубань) организованного военизированного казачьего образования (войска), между тем, часто в расчет не берется. Более того, в дискурсивных практиках, посвященных истории Крыма, тема казачества (шире – славянского, христианского населения) занимает явно подчиненное, если не маргинальное, положение по отношению к более «традиционным» сюжетам и даже истории крымско-русских отношений. XVIII век стал временем основного пребыва-